

К. В. КУДРЯШОВ

Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь

Выяснение пути, по которому Игорь Северский совершил свой поход на половцев в 1185 г., продолжает привлекать внимание исследователей до настоящего дня. За последнее время в печати высказано несколько возражений против предложенного мной варианта пути Игоря.¹ Это побуждает меня вновь пересмотреть свой вариант, дать ответ моим оппонентам и изложить некоторые новые дополнительные доводы.

Как известно, Н. М. Карамзин место столкновения Игоря с половцами относил к бассейну нижнего Дона. Однако ряд исследователей, начиная с В. Н. Татищева, считают, что события похода Игоря разыгрались в районе среднего течения Северского Донца, а не нижнего Дона. К этому выводу пришли еще современники Н. М. Карамзина — академик П. Бутков и Н. Арцыбашев, а вслед за ними Д. Дубенский, Н. П. Барсов, Н. Я. Аристов, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, А. В. Лонгинов, В. Г. Ляскоронский, академик Б. Д. Греков, М. Д. Приселков, К. В. Кудряшов, В. А. Афанасьев, Н. В. Сибилев, В. Г. Федоров. Однако недавно появилась статья В. М. Глухова, который, в сущности, пытается возродить (с некоторыми поправками) давно отвергнутый наукой вариант Н. М. Карамзина.²

Ссылаясь на поэтическое выражение в «Слове», где говорится, что «два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмуторокани»,³ В. М. Глухов целью похода Игоря считает овладение Тмутараканью, а принимая во внимание громадное расстояние, которое предстояло пройти до нее северским полкам, полагает, что: 1) все войско Игоря было конным; 2) из Новгород-Северска Игорь направился к верховьям Мжа и Коломака, переправился через Донец на Савинском перевозе и 2 мая подошел к Осколу; соединившись со Всеволодом, Игорь переправился будто бы 4 мая через Оскол (?), и, двигаясь по левой стороне Донца, северские князья достигли самого нижнего Дона.

С этими утверждениями В. М. Глухова никак нельзя согласиться. Прежде всего, фраза, извлеченная из поэтического произведения, — это еще не историческое свидетельство. Мысль о том, что будто бы Игорь намеревался овладеть Тмутараканью, требует обоснования в исторических источниках. Летописи ничего подобного не подтверждают. Ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи при описании похода Игоря о Тмутаракани даже не упоминают. Ипатьевская летопись о причинах похода и вовсе

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Очерки исторической географии. Географизм, М., 1948, (в дальнейшем: Кудряшов), стр. 42—90 («Слово о полку Игореве»).

² В. М. Глухов. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955 (в дальнейшем: Глухов), стр. 38.

³ Глухов, стр. 22.

молчит, отмечая только, что северские князья начали свой поход, «утаившись» от князя Святослава.⁴ Лаврентьевская летопись, относящаяся отрицательно к военным действиям Игоря и Всеволода, говорит более откровенно, что, завидуя удачным походам Святослава, северские князья задумали сами пойти на половцев, заявляя: «Мы есмы ци не князи же? Пойдем такоже себе хвалы добудем».⁵ Следовательно, цель похода — не отдаленная, недоступная Тмутаракань, а гораздо более близкие степные районы и реальные для южнорусских князей политические цели.

В. Г. Федоров не без основания обратил внимание на слова В. Н. Татищева о том, что «Игорь, завидуя чести, полученной Святославом, уже возвратясь в Новгород, не долго медля, собрал войско»;⁶ но дело было не в одной «зависти». Следует здесь вспомнить, что, по хорошо обоснованному мнению М. Д. Приселкова, поход Игоря в 1185 г. был связан с политикой Византии, призывавшей Русь отвлечь обратно в степь половецкие силы, посланные на помощь болгарам, восставшим против Византии в 1185 г.⁷

Неубедительны также соображения В. М. Глухова в пользу того, что якобы все войско Игоря было конным.

С. М. Соловьев, внимательно изучивший вопрос о численности и составе войска русских феодальных князей XII в., пишет, что «если борьба шла между князьями... например между Черниговским и Северским, то мы не можем предположить, чтобы каждый из них мог вывести в поле больше пяти тысяч войска».⁸ Но указанное С. М. Соловьевым число включало и конных и пеших воинов. Если даже допустить, что у Игоря было 2000 конных воинов, то с одной только конницей, столь малочисленной, Игорю предстояло бы пройти от Оскола до нижнего Дона за шесть дней (по подсчетам самого В. М. Глухова) огромное расстояние, около 400 км, делая каждый день переход по 65 км в среднем.⁹ Мыслимо ли допустить, что с такими незначительными силами Игорь рискнул предпринять столь далекий «конный рейд» через обширную Половецкую степь, где слабому русскому отряду угрожала бы постоянная опасность со всех сторон от многочисленных кочевников, из которых каждый взрослый был конным воином? Подобное допущение было бы невероятным.

Против него говорят и другие данные.

Еще в 1170 г. на совещании русских князей было открыто заявлено, что половцы «у нас и Греческий путь отнимают и Соляный и Залозный».¹⁰ Значит, южнорусские князья даже общими объединенными силами не могли уже удержать в своих руках пути, соединявшие Русь с Причерноморьем. В степи половцы господствовали. При таких условиях Игорю невозможно было и мечтать о том, чтобы с одними своими силами отважиться на поход для овладения далекой Тмутараканью.

Стараясь доказать, что все войско Игоря Северского в походе 1185 г. было конным, В. М. Глухов приводит целый ряд цитат в подтверждение

⁴ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871 (в дальнейшем: Ипат. лет.), стр. 435.

⁵ Лаврентьевская летопись. Л., 1926 (в дальнейшем: Лавр лет.), стр. 398.

⁶ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? Изд. «Молодая гвардия», 1956 (в дальнейшем: Федоров), стр. 24.

⁷ М. Д. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — Историк-марксист, 1938, № 6, стр. 128—131. (В дальнейшем: Приселков); История Болгарии, т. I, 1905, стр. 121—122.

⁸ С. М. Соловьев. История России, т. I. Изд. «Общественная польза» (в дальнейшем: Соловьев), стр. 690; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949 (в дальнейшем: Греков), стр. 328—329.

⁹ Глухов, стр. 36.

¹⁰ Ипат. лет., стр. 368.

общеизвестного факта, что русские феодальные князья XII в. владели конскими табунами. Он считает, будто бы русские князья «могли в случае похода сажать на коня городское ополчение и своих смердов».¹¹ Однако историки, изучавшие этот вопрос (С. М. Соловьев, Б. Д. Греков и др.), приходят к другим выводам. В специальной главе, посвященной «воям», Б. Д. Греков указывает, что в состав воев набираются как сельчане (главную массу которых составляют смерды), так и горожане, причем «сельчане-смерды всегда изображаются в войске пехотинцами. На конях сражаются князья и дружина, возможно, что и часть горожан». По поводу походов 1109 и 1111 гг. тот же исследователь пишет, что «конница была тогда немногочисленна», а «кони нужны были главным образом для обоза».¹² Ссылаясь на летописное описание похода 1111 г. и на «Пouchение» Владимира Мономаха, Н. М. Карамзин указывает, что русские «воины не носили тяжелых лат в походе, когда неприятель был еще далеко... Они и самое оружие посылали на возах вперед к сборному месту».¹³ С. М. Соловьев к этому добавляет, что в походе не только оружие везли на возах, но на них же ехали и сами вои.¹⁴

Хотя В. М. Глухов и признает участие пехоты в походе 1103 г., но, ссылаясь на возросшее в XII в. значение конницы в военном деле, считает, что начиная с похода 1111 г. князья якобы «имеют только конное войско».¹⁵ Но подобное утверждение противоречит летописи, которая рассказывает, что русские князья, дойдя до р. Голтвы, остановились и «ту пождаша и вои»,¹⁶ иными словами, ушедшая вперед конница вынуждена была поджидать на Голтве подхода пехоты; и, значит, пешее войско, вопреки утверждению В. М. Глухова, участвовало в походе 1111 г.

Не следует также забывать, что в XII и XIII вв. в военном деле на Руси пешее войско по-прежнему продолжало играть важную роль. Участие пехоты в русском походе 1111 г. в глубь половецких степей было обычным явлением. Характеризуя военное дело на Руси в период феодальной раздробленности, Б. А. Рыбаков справедливо замечает, что «пешее войско заходило даже глубоко в степь (при походах на половцев); без пехоты князья иногда не решались даже вступать в бой, а в столкновениях с конницей пехота нередко одерживала победу».¹⁷

Обычный боевой порядок русских войск состоял из центра («чело») и флангов («крылья»). В центре ставилась пехота, а на флангах — конница. В XII в. перед центром стали выдвигать еще одну линию.¹⁸ Именно такое построение наблюдается в походе Игоря Северского в 1185 г. перед боем на р. Сяурлий.

Северские князья, видя, что они окружены со всех сторон половцами, рассуждали так: «оже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будет грех: сих выдавше, пойдем; но — или умрем, или живы будем, — все на едином месте».¹⁹ Эти слова летописца с несомненностью удостоверяют, что в походе Игоря участвовали и пешие воины — «черные люди». К этому выводу пришел целый ряд исследователей. Б. Д. Греков, например, пишет, что «в походе на половцев в 1185 году князья сошли

¹¹ Глухов, стр. 24.

¹² Греков, стр. 333, 328, 322.

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II, прим. 205; Ипат. лет., стр. 192; Повесть временных лет, ч. I. М., 1950, стр. 361.

¹⁴ Соловьев, стр. 687.

¹⁵ Глухов, стр. 25.

¹⁶ Ипат. лет., стр. 192.

¹⁷ История культуры древней Руси, т. I. М., 1948, стр. 405.

¹⁸ История военного искусства. Сборник материалов, в. 1. М., 1951, стр. 184.

¹⁹ Ипат. лет., стр. 432—433.

с коней и начали биться в пешем строю, чтобы в случае отступления не оставить на поле битвы пешую часть войска — „черных людей“». ²⁰ Д. С. Лихачев также признает, что войско Игоря включало «конную княжескую дружину и пешее ополчение из крестьян». ²¹

Полагаем, что вопрос об участии пехоты в походе Игоря не нуждается в дальнейшем разъяснении. Добавим к этому, что если бы даже все войско Игоря действительно состояло из конницы, то и в этом случае надо было бы признать, что столкновение северских войск с половцами разыгралось в районе между Изюмом и Тором, т. е. в Донецком бассейне. К такому выводу неумолимо принуждает неоспоримое указание в Книге Большому Чертежу на местонахождение реки Сальницы около Изюма.

По утверждению В. М. Глухова, поход Игоря был совершен не на Донец, а на Дон, в подтверждение чего делается ссылка на Ипатьевскую летопись, которая будто бы называет именно реку Дон. ²² Однако в действительности в Ипатьевской летописи в описании похода Игоря ни разу не упоминается о Доне, но зато трижды называется Донец, а именно: при описании похода северских войск к этой реке, при переправе через нее и, наконец, при отступлении к ней после ночлега в степи.

Вопреки ошибочному мнению В. М. Глухова, Северский Донец иногда в древних источниках действительно называется Доном. Это правильно подметил еще 200 лет тому назад В. Н. Татищев, который по поводу летописного описания похода 1111 г. говорит: «Здесь хотя во всех манускриптах написано — на реке Дону, но обстоятельства доказывают, что это Донец Северский, который Доном на многих местах именован, что и река Салница, сказанная здесь, утверждает, ибо она течет в Донец с правой стороны, ниже Изюма, как в Большом Чертеже показано. Сия же ошибка, что Донец Доном называется, есть древняя». ²³ С этим мнением В. Н. Татищева согласились и позднейшие исследователи, как Н. Барсов, Голубовский, Д. Багалеи, К. В. Кудряшов, Б. А. Рыбаков, В. Г. Федоров и др. ²⁴

Для географического определения места столкновения войск Игоря с половцами важнее всего указание Ипатьевской летописи на реку Сальницу, где высланные вперед русские «сторожа» — разведчики встретились с подошедшими войсками Игоря. Согласно Книге Большому Чертежу, Сальница впадает в Северский Донец с правой стороны, между реками Изюмом и Изюмцом, вблизи нынешнего города Изюма.

В. М. Глухов отказывается верить показанию Книги Большому Чертежу относительно Сальницы на том основании, что в 37 рукописных списках Книги Большому Чертежу о Сальнице не упоминается и будто бы только в печатных изданиях (1792 г.) этого источника Сальница показана впадающей в Северский Донец около Изюма. ²⁵ Но приведенное возражение В. М. Глухова ничего еще не доказывает. То обстоятельство, что в одних списках Сальница упоминается, а в других ее нет, свидетельствует лишь о том, что были разные редакции Книги Большому Чертежу, — и только, не более. А что рукописные экземпляры с упоминанием о Сальнице дей-

²⁰ Б. Д. Греков. Политический строй феодальной Руси XI—XII века. — В кн.: Очерки истории СССР IX—XIII вв., I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 161.

²¹ Слово о полку Игореве. Л., изд. «Советский писатель», 1953 (Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3), стр. 13.

²² Глухов, стр. 28.

²³ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 2. М., 1773, стр. 457, прим. 352.

²⁴ Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 149, 303; Кудряшов, стр. 116, 117; Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. — КСИИМК, т. 43, стр. 20; Федоров, стр. 47—48; Лавр. лет., стр. 250.

²⁵ Глухов, стр. 27—30.

ствительно были, это подтверждается тем, что еще в 1740-х годах, т. е. задолго до опубликования (1792 г.) Книги Большому Чертежу, В. Н. Татищев имел ее рукописный экземпляр, где Сальница упоминалась. Н. С. Арцыбашев в 1820-х годах писал, что Сальница «впадает с правой стороны в Донец не только выше Оскола, но даже и Изюмца (см. Книгу Большому Чертежу; мы имеем ее рукописную)». ²⁶ Значит, и в XVIII и в XIX в. имелись рукописные экземпляры с упоминанием о Сальнице. Если бы даже до нашего времени и не сохранилось ни одного такого списка, это все же не давало бы права отрицать их существование в прошлом. Троицкая летопись, например, до нашего времени не сохранилась, но кто же из историков на этом основании станет сомневаться в том, что она существовала? Единственный известный список «Слова о полку Игореве» был уничтожен пожаром в 1812 г., и остались только две копии «Слова». Однако никто из исследователей (в том числе и сам В. М. Глухов) не отрицает существования списка «Слова» в прошлом.

Не забудем также, что 11 списков Книги Большому Чертежу остались еще неразысканными, ²⁷ и среди них вполне могут быть списки с упоминанием о Сальнице. К этому добавим, что ни один историк, начиная с современников Н. М. Карамзина (П. Бутков, Н. С. Арцыбашев и др.), не отрицает показаний Книги Большому Чертежу относительно Сальницы. Автор самой новейшей работы о «Слове», В. Г. Федоров, также опирается на свидетельство Книги Большому Чертежу о Сальнице, которую правильно помещает в бассейне Северского Донца, около Изюма.

Указанное местоположение Сальницы подтверждается и наличием возле нее Изюмского кургана («Кременная гора», «шеломья»), за который выступила в степь Русь, о чем «Слово» восклицает: «О, Русская земля! Уже за шеломянем еси!». ²⁸

Из летописного описания похода Игоря Северского видно, что Каяла находилась в районе между реками Сальницей и Сюрлий, от которой русские отступали к северу «хотяхуть бо быющесе дойти реки Донця». ²⁹ Таким образом, неоспоримое свидетельство Книги Большому Чертежу о местонахождении Сальницы в районе Изюма, вблизи Изюмского кургана, подтвержденное пребыванием Игоря в плену именно на реке Тор, недалеко от Сальницы, — все это, вместе взятое, делает невероятным всякое предположение о местоположении реки Каялы в бассейне нижнего Дона.

Тщетны поэтому все попытки В. М. Глухова предложить на выбор сразу три Каялы, а именно: 1) Кагальник, правый приток Дона, впадающий несколько выше устья Северского Донца; 2) реку Маныч и 3) Кагальник, впадающий в Азовское море ниже устья Дона. Ни одна из этих мифических «Каял» не может удовлетворять требованиям научной достоверности. Они свидетельствуют лишь о большой авторской изобретательности В. М. Глухова и опровержения не требуют. Впрочем и сам В. М. Глухов, видимо, не очень доверяет своим домыслам о «Каялах» и готов согласиться с теми исследователями, которые слово «Каяла» понимают в символическом значении, в переносном смысле. ³⁰

²⁶ Н. С. Арцыбашев. Игорь или война половецкая. — Вестник Европы, 1826. № 11, стр. 193, прим. 32.

²⁷ Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, 1950, стр. 7, прим. 1.

²⁸ «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, 1950, стр. 41.

²⁹ Ипат. лет., стр. 432.

³⁰ Глухов, стр. 37.

Прежде чем перейти к вопросу о местонахождении Сюурля и Каялы, исследователю необходимо определить среднюю величину дневного перехода русских войск в XII в., так как оба эти вопроса неразрывно связаны между собой. Для суждения о величине суточного перехода русских войск в XII в. летописи дают материала недостаточно. Во время похода 1103 г. русских пеших воинов везли по Днепру до самой Хортицы на ладьях, а конница шла по берегу. Соединившись, русские войска за 4 дня прошли от Хортицы до реки Сутени (Молочная) около 100 верст,³¹ следовательно делали переход в среднем около 25 верст в день. Во время похода 1111 г. русские войска, выйдя 26 февраля из Переяславля, в пятницу 3 марта дошли до реки Сулы и, таким образом, за 6 дней прошли немногим более 120 верст, делая в среднем переход в 20 верст. Продвигаясь далее, русские достигли реки Ворсклы во вторник 7 марта, т. е. за 4 дня прошли еще около 130—135 верст, делая в среднем переход около 33 верст. Все же расстояние от Переяславля до Ворсклы, составляющее, по Аристову, около 260 верст, было пройдено в 10 дней, и, значит, в среднем однодневный переход равнялся 26 верстам (хотя в отдельных случаях величина однодневного перехода колебалась в пределах 20—38 верст). Вслед за Н. Аристовым к тому же выводу пришли Н. Барсов, А. В. Лонгинов и др.³² Наши собственные изыскания также подтверждают указанный вывод. Летописные данные о походе 1170 г.³³ и зимнем походе 1187 г.,³⁴ не содержат необходимых сведений для определения размера однодневного перехода. Здесь возможны лишь более или менее вероятные догадки, но они не могут служить опорой для надежного вывода.

Стремясь расширить материал для суждения по затронутому вопросу, В. Г. Федоров ссылается на учебник Е. Разина по истории военного искусства, где говорится, что во время похода Ивана Грозного на Казань в 1552 г. правая колонна русской армии на пути от Коломны «до реки Суры (около 700 км)... сделала 24 перехода со средней величиной суточного перехода около 30 км». От реки Суры (где объединились обе колонны) до Свияжска (около 200 км) русская армия дошла в 8 дней с одной дневкой, что «составляло ту же среднюю величину суточного перехода (28—30 км)».³⁵ Однако это исчисление сделано неточно. Нельзя определять среднюю величину перехода, не учитывая дневок, когда войска отдыхали, оставаясь на месте. Известно, что в данном походе русская армия вышла из Коломны 3 июля и пришла к Свияжску 13 августа, т. е. находилась в пути 42 дня. На основании этих данных И. А. Коротков делает более правильный подсчет, по которому русская армия проходила в среднем 20 км в день.³⁶ С этим выводом нельзя не согласиться. В качестве примера большого однодневного перехода приводится иногда указание на то, что в 1245 г. русские войска в один день прошли от Холма до Люблина около 65 км.³⁷ Но случаи подобных форси-

³¹ Ипат. лет., стр. 183; Кудряшов, стр. 92, 94.

³² Н. Аристов. О земле половецкой. Киев, 1877, стр. 7—9; Н. Барсов. Очерки..., стр. 302—304; А. В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году, Одесса, 1892, стр. 212.

³³ Ипат. лет., стр. 369.

³⁴ Ипат. лет., стр. 440.

³⁵ Федоров, стр. 38.

³⁶ И. А. Коротков. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952, стр. 31; ПСРА, т. XIII, 1-я половина, стр. 192, 199—201.

³⁷ Б. А. Рыбаков. Рецензия на «Половецкую степь» К. В. Кудряшова. — Советская книга, 1949, № 11 (в дальнейшем: Рыбаков), стр. 34; Ипат. лет., стр. 529.

рованных переходов не могут служить основой для определения средней величины перехода русской пехоты при многодневном дальнем маршруте. Не разъясняет вопроса и ссылка на то, что «Татищев называет 25 верст „полднищем“, т. е. половиной дневного перехода».³⁸ Ведь В. Н. Татищев рассказывает о том, что во время возвращения Игоря в свой Новгород, «не доехав (меньше полуднища) верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему повредил».³⁹ Здесь говорится о переходе конного воина, а не пешего. Б. А. Рыбаков напоминает летописные данные о том, что в 1236 г. русские войска от Галича до Холма прошли 235 км в 3 дня, «делая по 78 км в сутки», а в 1248 г. князь Василько преследуя ятвягов, прошел от Владимира Волынского до Дрогычина за 3 дня около 205 км, делая суточный переход в 68 км. Но приведя эти факты, Б. А. Рыбаков тут же поясняет, что «быстрота передвижения часто достигалась тем, что скакали „о дву конь“, попеременно пересаживаясь с уставшего коня на свежего и имея при себе „сумного“ коня, несшего необходимый минимум запасов».⁴⁰ Иными словами, здесь идет речь о суточном переходе конницы. Нас же интересует величина перехода не конницы, а древнерусской пехоты. Таким образом, эти примеры не помогают выяснению интересующего нас вопроса.

Согласно утверждению В. Г. Федорова, «при длительных многодневных переходах современные войска проходят по 20—25 верст в сутки, отдыхая 2 дня в неделю. Малые привалы, по 15 мин., делаются через каждый час, а большой привал — продолжительностью от часу до четырех часов — после того, как войско преодолевает половину дневного пути; при обыкновенных переходах движение походным порядком продолжается около 10 часов, и не менее 14 часов отводится на отдых».⁴¹ Тем не менее, в прямом противоречии с только что им же указанными данными, В. Г. Федоров полагает, что будто бы древнерусская рать в походе «как правило», совершала переходы «по 40 верст в день».⁴² Для обоснования этого неожиданного мнения не приведено ни одной ссылки на летопись, что и неудивительно, так как летопись не подтверждает такого предположения.

Итак, все сказанное нами выше по данному вопросу позволяет сделать вывод, что величина суточного перехода древнерусской пехоты в длительном многодневном маршруте в среднем составляет около 25—30 верст с небольшими колебаниями в ту и другую сторону. В частности, войска Игоря по принятому нами маршруту могли проходить в день около 30 верст и несколько более. Объясняется это тем, что, по утверждению специалиста, изучившего развитие русских путей до конца XVII в., «Изюмский шлях представлял из себя очень удобную дорогу для татарских вторжений — не было ни одного, даже незначительного перевоза на всем его протяжении (от самого Изюмского перевоза до соединения шляхов Изюмского с Муравским), ни одной реки».⁴³ Выясняя направление, по которому Игорь совершал свой поход в степь, надо вспомнить высказанное еще П. Бутковым предположение о том, что Игорь через Суджу и Корочу вышел на «древний Изюмский шлях».⁴⁴

³⁸ Рыбаков, стр. 34.

³⁹ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 3. М., 1774, стр. 271.

⁴⁰ Рыбаков, стр. 35.

⁴¹ Федоров, стр. 35.

⁴² Федоров, стр. 41.

⁴³ Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900, стр. 65.

⁴⁴ П. Бутков. Нечто к слову о полку Игоря. — Вестник Европы, 1821, ноябрь, стр. 51.

Догадку об Изюмской сакме следует признать правильной, но для выхода на упомянутую сакму не было надобности проходить через Суджу и Корочу, как будет пояснено дальше.

Нами было уже подробно обосновано, что обычный для северских князей путь пролегал по водоразделу между Сеймом и Пслем, по Бакаевой дороге, ведущей от Рыльска к верховьям Донца и Сейма. Перейдя здесь Северский Донец, Игорь вышел на Изюмскую сакму, по которой и двинулся вместе со Всеволодом на юг к реке Сальнице. Принято думать, что из Новгород-Северска Игорь вышел на Бакаеву дорогу через Путивль. Но обоснованием для такого мнения не может служить поэтический рефрен: «Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыеве; трубы трубятъ в Новеграде; стоять стязи в Путивль». Нам представляется более вероятным, что Игорь из Новгорода направился на Бакаеву дорогу кратчайшим путем через Рыльск; тем более что князья собрались под «стязи» Игоря не в Путивле, а «сняшася у Переяславля»,⁴⁵ т. е. у Переяславской границы. Все варианты, допускающие движение Игоря через Переяславское княжество, кажутся неправдоподобными не только потому, что это значительно удлиняло бы путь, но и потому, что Игорь, желавший уйти в поход, «утаившеся» от Святослава Всеволодовича, вынужден был не проходить через владения переяславского князя, который, будучи постоянным участником походов Святослава в степь и притом враждебно настроенным к Игорю, быстро известил бы Святослава о выступлении северских князей.⁴⁶ В 1183 г., поссорившись с Игорем, переяславский князь напал на северские города и пограбил их.⁴⁷ При создавшихся условиях трудно даже допустить, чтобы Владимир Глебович разрешил Игорю с его войском пройти через территорию Переяславского княжества.

Согласно летописи, от Сальницы русские шли всю ночь и на следующий день, в пятницу 10 мая, «в обеднее время», увидели половецкие полки, стоявшие на другой стороне реки «Сюурлия».⁴⁸ Реку Сюурлий, таким образом, надо искать на расстоянии полуторадневного перехода от Сальницы. В прямом расхождении с Ипатьевской летописью во второй редакции (изданной в 1774 г., часть 3) в «Истории Российской» В. Н. Татищева говорится, что русские встретили половцев на реке Суугли, а о Сюурлии вообще не упоминается. Сопоставляя наименование «Суугли» с русским названием «Угол», «Угла» для реки Орели, Аристов отождествил Орель и ее приток Орельку с рекой Сюурлий. В. Г. Федоров, поддерживая мнение Аристова, утверждает, что конные и пешие войска Игоря «могли» будто бы «пройти за сутки форсированным маршем расстояние от Сальницы до Орели—Суугли, равное 70 верстам».⁴⁹ Мы считаем невероятным такой громадный переход для пеших воинов древнерусской рати, уже утомленной 17-дневным походом и к тому же вынужденной бегать свои силы к предстоящему бою. Ряд других доводов также говорит против демарша от Сальницы к Орели. В самом деле, если Игорь двинулся в поход с целью напасть на половецкие вежи у Орели, то зачем было бы тогда выбирать такой длинный обходной путь — через Изюмскую сакму, выведившую совсем в другую сторону, к Торским по-

⁴⁵ Лавр. лет., стр. 397.

⁴⁶ Приселков, стр. 115, со ссылкой на летописец Владимира Глебовича князя Переяславского.

⁴⁷ Ипат. лет., стр. 424—425.

⁴⁸ Ипат. лет., стр. 431.

⁴⁹ Федоров, стр. 69.

наименование «Сюурлий». В изданной же, второй редакции вместо «Сюурлий» поставлено «Суугли». По мнению В. Г. Федорова, это название «Суугли» заимствовано Татищевым из какой-то, не дошедшей до нас летописи.⁵¹ С этим, однако, трудно согласиться. «Су» — слово тюркское (в значении «вода», «река»), а «Угол» — русское название. Значит, словосочетание «Суугли» — не тюркское и не русское, и в такой неестественной форме, по нашему мнению, оно не могло появиться в русской летописи. Надо признать, что такое искусственное словообразование или, по выражению Шахматова, «изобретено» В. Н. Татищевым, или же, что более вероятно, в авторском оригинале второй редакции также стояло «Суурли», превратившееся в «Суугли» вследствие ошибки переписчика или корректора, быть может, из-за неразборчивости рукописного текста.

Вновь подтверждая и уточняя наше прежнее положение, высказанное в «Половецкой степи», относительно реки Сюурлий, мы считаем, что русская рать в течение ночи и утра следующего дня могла пройти от Сальницы до Сюурлия около 40—45 верст, едва ли более. Это соответствует расстоянию между Изюмом и местом слияния Голой Долины, Сухого и Казенного Торца. Название «суярлы» (в значении «развилка рек», «разлив воды») вполне применимо к указанному слиянию рек, в особенности к впадению разветвленного устья Голой Долины в Сухой Торце.⁵² Косвенно такое местоположение реки Сюурлий подтверждается сообщением В. Н. Татищева о том, что от этой реки половцы отступили «за гору». Действительно, в углу, образуемом Сухим и Казенным Торцом, к югу от Сухого Торца расположена гора Карачун.⁵³

По месторасположению реки Каялы имеется ряд гипотез. Еще П. Бутков первый отождествил Каялу с Кальмиусом, что нашло поддержку у Аристова и др. Гипотеза эта сначала показалась правдоподобной и мне, но внимательное изучение источника убедило, что после победы на реке Сюурлий русские двинулись не на юг (к Кальмиусу), а на север (по направлению к Донцу), и, значит, принимать Кальмиус за Каялу было нельзя. Предстояло искать Каялу, руководствуясь указаниями, 1) что она имеет быстрое течение, согласно указанию «Слова», и 2) что тюркское слово «каялы» обозначает «каменистая». В 1943 г. Н. В. Сибилев первый высказал предположение, что Каялой надо считать речку Макатиху, которая имеет быстрое течение и крутые высокие берега. Это предположение казалось весьма вероятным и давало мне основание написать: «Возможно, что Макатиха и есть река Каяла, как полагал местный украинский археолог Н. В. Сибилев, специально обследовавший этот район».⁵⁴ Гипотеза Н. В. Сибилева подвинула поиски Каялы вперед, но известное сомнение в окончательном решении вопроса все же оставалось. Недавнее гидрологическое обследование интересующего нас района выявило, что речка Макатиха — это небольшой ручей. Долина Макатихи представляет собой «заболоченный намытый чернозем», сток воды имеет «крутое падение», но далеко не совершенен. «Это приводит, с одной стороны, к заболачиванию, с другой — к образованию ступенек с небольшими водопадами».

⁵¹ Федоров, стр. 146, 147.

⁵² Кудряшов, стр. 68, 69.

⁵³ Сведения о горе Карачун, а также (см. ниже) о реке Макатихе сообщены мне С. В. Грум-Гржимайло, которому выражаю здесь искреннюю признательность.

⁵⁴ Обследовав на месте район между Изюмом и Славянском, Н. В. Сибилев собрал ценный материал и сделал интересные выводы. См. ссылки на Н. В. Сибилева в моей книге «Половецкая степь» (стр. 73, 89, 122).

ления к югу, но в указанный срок дойти до места ночлега в степи до реки Каменки они могли.

Указанную реку Каменку мы и считаем настоящей Каялой ввиду полного соответствия названия Каменки с наименованием «Каялы» в значении «каменистая».

Чтобы установить точно, где именно произошло поражение русских на Каяле, необходимо археологическое обследование изучаемого района на месте.

К сказанному можно добавить, что с тем направлением, по которому должен был отступать Игорь, близко совпадает дорога от Славянска на Изюм, показанная на картах конца XVIII и начала XIX в.⁵⁶

⁵⁶ За недостатком места в настоящей статье мы не могли подвергнуть более подробной критике ряд других гипотез В. М. Глухова и затронули только наиболее важные вопросы.